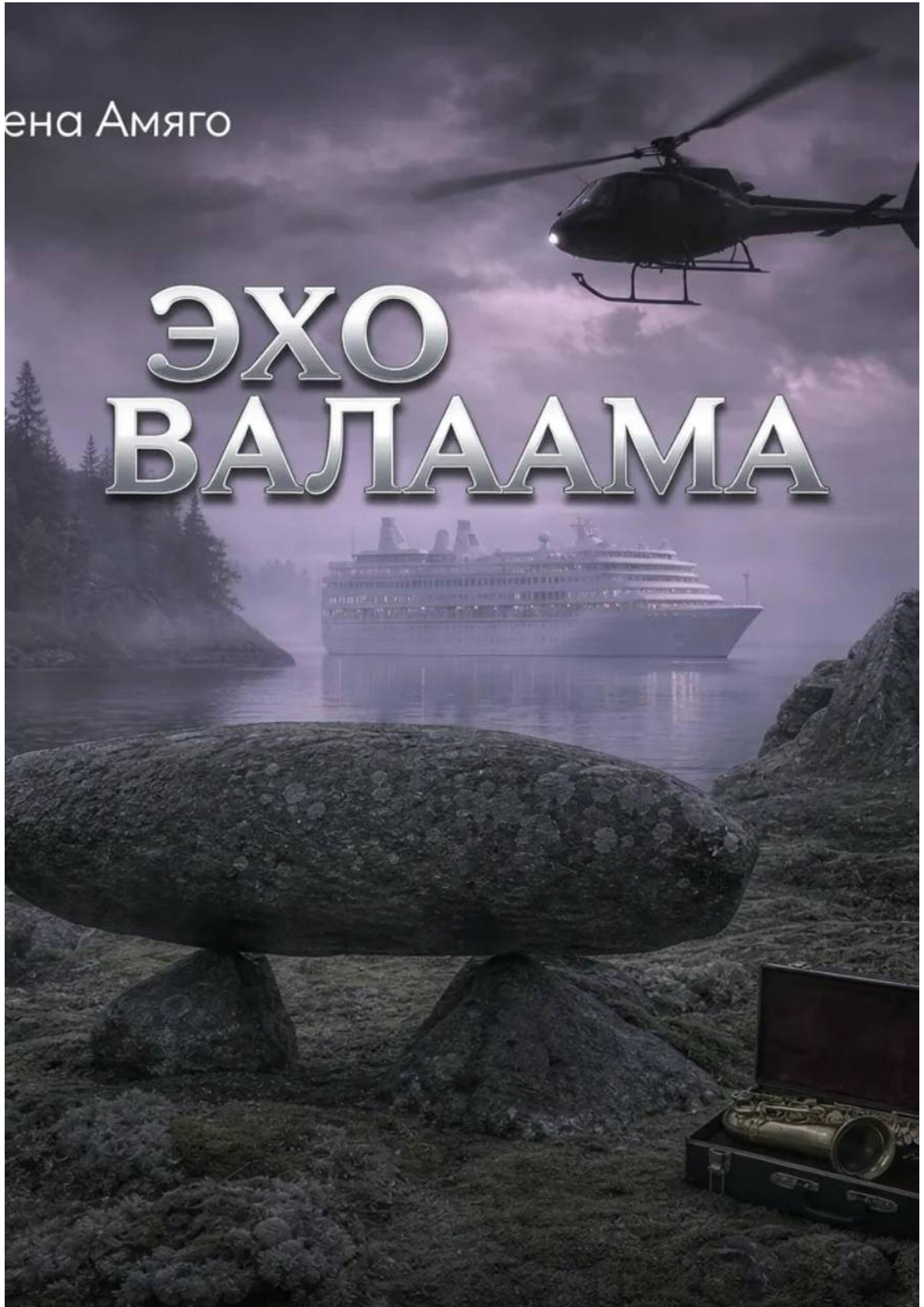

ена Амяго

ЭХО ВАЛААМА

Елена Амяго
Эхо Валаама

«Автор»

2026

Амяго Е.

Эхо Валаама / Е. Амяго — «Автор», 2026

Молодая семья Соколовых, Иван и Даша, неожиданно получает приглашение в речной круиз на Валаам. Даша замечает, что пейзаж на рекламном буклете круиза отчётливо совпадает с контурами скалы на фотографии её родителей, которые не вернулись с острова двадцать шесть лет назад. Понимая, что это знак судьбы, она вместе с мужем и компанией друзей отправляется на поиски родителей. Загадочный Валаам откроет путешественникам тайну, которая четверть века скрывалась за ладожским туманом. Фантастический детектив с элементами семейной саги и психологической драмы.

© Амяго Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Елена Амяго Эхо Валаама

Глава

Елена Амяго

ЭХО ВАЛААМА

Глава 1. Нечаянный сюрприз
Сентябрь 2026 года.

Вера Степановна наводила порядок на своём месте в конце рабочей недели. Весь офис с утра работал в режиме «пятница», но многолетняя привычка бухгалтера не отпускала её на выходные, пока не будет рассортирована вся первичка по группам затрат, по хронологии, по приоритетам. Тем более что бумажной первички почти не осталось — практически вся перешла в удобный электронный формат.

Ответственный бухгалтер задумчиво покрутила в руках рекламный буклет, небрежно лежащий на столе.

— Что это? — озадаченно спросила она коллегу Ингу, которая уже собирала сумку, завершив работу.

С Ингой они дружили с института, да ещё и дети их породнили: Верин сын женился на дочери Инги. Так что, коллеги, можно сказать, были очень близки.

— Ой, Вера! — спохватилась подруга. — Забыла тебе сказать: я вчера была на благотворительном вечере Мюнхенского института трансплантации и донорства, и мне подарили этот буклет. Но понимаешь, я-то не могу поехать в круиз, а билеты пропадают. Я подумала, может, вы с Матвеем или с детьми съездите? Помню, Матвей часто говорил что-то про Валаам, мол, ни разу там не был, хотя живёте совсем рядом! — щебетала Инга.

Вера растерянно развернула буклет, и оттуда выпали две пары путёвок в круиз на теплоходе «Соболев» в ближайшие выходные.

— Хм, вот так сюрприз! — Вера внимательно посмотрела на подругу.

Та пожала плечами:

— Сама в шоке! Там такой элегантный медицинский консультант пригласил меня на танец, разговорились, и потом он вручил мне этот подарок.

— То есть путёвки не целевые на конкретных людей, а так, вообще? — Вера помахала буклетом в воздухе.

— Ну, конечно! — рассмеялась Инга и зарделась, словно покрываясь пунцовой пудрой. — Откуда целевые, Вера?! Это же благотворительный вечер, я же говорю!

— А что же вы с Женей не хотите поехать? — всё ещё не могла поверить в подвернувшуюся удачу Вера Степановна.

— Ой, мы же со своего огорода — ну каждые выходные не вылезает! Сейчас урожай прёт, каждый солнечный день на счету. Вера, ну какой нам круиз, сама подумай! — затрещала подруга и уже жалобно добавила: — А путёвки пропадают...

— Да? Ну хорошо, спасибо тебе, — растерянно произнесла Вера. — Просто ты как-то по-шпионски мне их подсунула, — она подмигнула растерявшейся подруге.

— Ой, да скажешь тоже! По-шпионски! — расхохоталась Инга. — Какая из меня шпионка? — она икнула, испуганно прикрыв рот.

— Ладно, Верунчик, я побежала, дел невпроворот! — коллега поспешила к выходу. — Счастливых выходных! — эхом закрылась за ней дверь.

Вера Степановна обхватила голову руками, размышляя, что теперь делать с этим внезапным счастьем. Недолго думая, решила, что отправит в круиз детей — им это по плечу, пусть порезвятся. Она внимательно всмотрелась в глянцевое фото на буклете, и внутри странно ёкнуло: живописная рыжая скала Валаама что-то смутно напоминала. Но в рутине рабочего потока некогда было разбираться в предчувствиях, и Вера аккуратно убрала буклет в сумочку.

А Инга, прикрыв за собой дверь, перевела дух, закрыла глаза и облегчённо выдохнула — шумно и тяжело, словно выпускающий пар паровоз. Она не отважилась признаться Вере, что этот медицинский консультант совершенно вскружил голову на вчерашнем вечере, куда они должны были пойти вдвоём, но та по уши погрязла в работе и отмахнулась: «Сходи сама!»

Консультант, назвавший себя Виктором, провожая её после танца к столику и деликатно поддерживая за локоток, бархатно спросил:

— Вы без компании здесь?

— Ну, мы должны были прийти с подругой, а у неё дела, работа, — доверчиво ответила Инга.

— А что же подруга ваша, чем занимается? — вкрадчиво расспрашивал Виктор, и голос словно гипнотизировал смутившуюся женщину.

— Мы вместе работаем, — сухо ответила Инга, с ревностью отметив про себя, что нить разговора уходит в сторону подруги, а не её самой.

Собеседник чутко уловил эту перемену в настроении и тут же вновь переключил всё своё обаяние на неё. Весь оставшийся вечер Виктор не отходил от Инги, развлекая занимательными рассказами о перспективах института и щедро расточая комплименты. Он искренне восхищался её утончённым вкусом и умением жить.

Под конец вечера, сражённая очарованием нового поклонника, Инга вконец оторопела, когда тот преподнёс букет нежнейших гортензий в компании с розами.

— Благодарю вас, Инга. Вы прекрасная собеседница, я чудесно провёл с вами этот вечер, — галантно поклонился Виктор, целуя Инге руку.

— Ой, какая красота! — чистосердечно восхитилась Инга, принимая букет. — А как пахнут!

— А это для вашей подруги, — делая нажим на последнее слово, Виктор виртуозно извлёк из внутреннего кармана пиджака рекламный буклет круиза на теплоходе.

— Подруге? — изумилась Инга. — Но почему?

— Милая, вы же не откажете мне в этой маленькой любезности, — заговорщически зашептал на ухо Виктор. — Понимаете, у нашего института есть квота на этот круиз — мы поддерживаем исследовательский центр на архипелаге. И мне бы очень хотелось, чтобы эти билеты достались какой-нибудь замечательной молодой паре. Вы упоминали, что у вашей коллеги дети недавно поженились? Пусть это будет наш маленький благотворительный жест для них. Только, умоляю, пусть это останется между нами... Ведь настоящие благотворители должны оставаться в тени, иначе что это за благотворительность, ну согласитесь?

— Да-да, я понимаю, — поспешно закивала Инга. — Значит, это нужно передать как бы невзначай, не нарочно?

— Именно! — радостно подтвердил Виктор. — Умница!

Он ещё раз наклонился к её руке с поцелуем.

— С вами приятно иметь дело, честное слово, вы покорили моё сердце, — Виктор в подтверждение своих сладостных речей прижал руку к груди, словно доказывая, что сердце теперь ему и не принадлежит.

— Хорошо! Я поняла, всё сделаю! — решительно подыграла Инга.

Обольститель расплылся в карамельной улыбке. Он довёл растерянную Ингу до парковки, на прощание ещё раз приласкав её руку сухими мягкими губами.

Инга элегантно села за руль своего Peugeot, открыла зеркальце над водительским сиденьем, чтобы убедиться, насколько она хороша сегодня. Довольная собой и лёгким флиртом, она убрала букет на соседнее кресло, завела двигатель и, тряхнув локонами, словно сбрасывая с ушей шелуху остывших комплиментов, осторожно двинулась с места, направляясь в свой загородный дом.

Виктор проводил глазами уезжающий автомобиль, достал айфон и отправил сообщение: «Борт оплачен. Рыбки в аквариуме».

И вот теперь Инга стояла за дверью подруги с ощущением, что подкинула бомбу. «Хотя, если разобраться, что здесь плохого? — бесхитростно пожала она плечами. — Я же не на Голгофу их посылаю, пусть отдохнут, только и всего-то». Она откинула назад распутившиеся кудри, отгоняя навязчивые подозрения, и заспешила домой.

Глава 2. Вторжение

Негу супружеской пары прервал беспардонный звонок в дверь. Даша поморщилась: у них не заведено было звонить, близкие люди просто стучали. Следом послышался скрежет ключа в замке, и всё стало ясно: в дом явилась свекровь.

— Мам, — выскочил в коридор Иван. — Ну сколько я просил тебя не врываться к нам без предупреждения! Мы же взрослые люди, а если мы не одеты?!

— А я и не врываюсь без звонка, я сначала постучала, потом позвонила, — Вера Степановна с видом полноправной хозяйки поставила на пол два тяжёлых пакета и поправила причёску перед зеркалом. Её тон не допускал никаких возражений по поводу утреннего визита.

Вера Степановна была очень заботливой мамашей. Да, не нежной мамой, а именно заботливой мамашей. Жизнь из хрупкой Верушки сварганила чудо-машину, запрограммированную на вечный цикл: стирка — уборка — готовка. В коротких паузах — воспитание сыновей. Муж Матвей Михайлович и сыновья Иван и Володя упустили момент, когда из гибкой статной девушки появилась располневшая тётка с утиной походкой и статусом собственницы. Видимо, тоже были слишком увлечены своими делами.

Пока молодые в ванной прихорашивались после постели, свекровь прошагала на кухню, притащив пакеты, доверху набитые покупками. Она по-хозяйски распахнула холодильник и начала метать на полки сыр, колбасу, сметану и прочий комплекс витаминов, без которых, по её представлению, любимый сын может просто помереть. Здоровье невестки её тоже волновало, но попутно, исключительно в связи с благополучием Ивана.

— Так, молодёжь, опять бардак развели, — укоризненно произнесла свекровь, хватая со стола грязные тарелки, оставшиеся после ужина.

— Никакой это не бардак, — миролюбиво чмокнула её в щеку Даша. — Это память о романтическом ужине, я сейчас всё уберу!

Даша старалась не провоцировать свекровь на уборку и прочую заботу, чтобы та не задерживалась дольше лимита, который способна была вынести её собственная подвижная психика.

Веру Степановну покорял покладистый характер невестки, и она умилённо наблюдала за её порханиями. Даша быстренько сполоснула тарелки, включила чайник, поставила на стол чистые чашки и нарезала бутербродов.

— Кушать подано, садитесь «пи-и-ип», пожалуйста! — Даша иронично запикала слово «жрать», округлив глаза, словно в комнате внезапно появился строгий цензор, и царственным жестом пригласила всех к столу.

Свекровь осуждающе поджала губки — надо же выдерживать роль воспитателя:

— Нет бы приготовить горячий завтрак. Кашу, например.

— У-у-у, я не люблю кашу! — возразил Иван в защиту жены.

Молодые с нетерпением ждали, когда мама насладится процессом наставлений и покинет их территорию. Они её, конечно, любили, заботились о ней и даже старались помогать, хотя это было сложно при неуёмной энергии Веры Степановны. Она как бульдозер давила всех заботой, а дети терпеливо переживали этот «пахотный сезон». Даша как-то высказала Ивану аллегорию: его родители перепаживают их семью и засевают всё картошкой, а она хочет выращивать в семейном саду отношений розовые кусты. И на их восстановление после родительской «пахоты» уходит немало душевных сил.

Иван же, воспитанный в материнской системе, часто метался между любимой женой и родными:

— А картошка тебе не нужна, что ли? Ты что, не ешь картошку?

Даша, принимая игру, ответила тогда:

— Картошку? Ем! А розами я дышу. Просто всему своё место.

Молчаливое чаепитие прервала Вера Степановна:

— Там корреспонденция вам пришла, реклама круиза на теплоходе до Валаама. Поехали бы, что ли, а то всё дома сидите.

— Ах, оставьте, я позже посмотрю, — наигранно-высокомерно пощebetала Даша, любившая подразнить свекровь своими артистическими штучками.

Свекровь усмехнулась и, кивая в сторону невестки, выдала:

— Послал же Бог артистку.

Ваня тут же подыграл жене, комично разводя руками у лица:

— Что Бог дал-с, тому и благодарны-с...

Даша прыснула от смеха, а Вера Степановна махнула рукой:

— Да ну вас, клоуны. Как с вами серьёзно разговаривать?

— Серьёзные разговоры, мадам, у нас по понедельникам, а сегодня суббота, — напыщенно не сдавалась Даша.

Иван сверкнул на жену глазами: обращение «мадам» обычно ни к чему хорошему не приводило. Но на этот раз Вера Степановна не была настроена обижаться, она вообще была отходчивой занудой:

— На Валаам поезжайте, я вам говорю! Там на буклете такой закат обалденный, скалы рыжие... Была бы я помоложе, точно рванула бы с отцом!

— Ну а что, может, все вместе рванём? — подавляя зевоту, миролюбиво предложил Ваня.

Даша напрягла воображение и, изображая искреннюю заинтересованность, спросила вкрадчиво:

— А туда долго плыть?

— Да в ближайшие выходные и обернётесь, — вздыхая, поднялась из-за стола свекровь. — Спасибо, сынок, идея шикарная, дарю. Вы же видите: круиз на теплоходе! — она ткнула пальцем в буклет.

— Но вы не обижайтесь, Верочка Степановна, — Даша подскочила к ней. — Мы обязательно подумаем, как вы хотите.

— А вы что же, сами-то не хотите? — Вера Степановна искренне недоумевала: приносишь идею выходного дня на блюдечке, а они ещё кочевряжатся.

— Ну почему, мы очень даже хотим! Я давно говорила Ване: давай как-нибудь съездим на Валаам, а тут как раз вы с заманчивым предложением, — Даша пыталась задобрить свекровь, чтобы не испортить начавшиеся выходные. — Правда, у нас на сегодня другие планы были... Но ничего, Выдрины подождут со своим днём рождения, мы лучше в круиз поедem, правда, Ваня?

— Вот и возьмите своих Выдриных с собой — лучшего дня рождения у них и не будет, — неугомонно настаивала свекровь.

— А точно, Дашуль, давай им предложим? Они же никого больше не приглашали сегодня.

Даша тем временем, состроив гримасу, разглядывала рекламный проспект и неуверенно пробормотала:

— Наверное, надо было заранее путёвку брать, такие события ведь надо планировать...

— Ну, это мы устроим, — жестом волшебной феи Вера Степановна достала из сумочки два пригласительных билета.

— Мама! — сын зачарованно взял из рук волшебницы путёвки в мир приключений. — Ты действительно гений, — но тут же опомнился. — А Выдрины?

— Если согласятся, то мы с отцом останемся дома, — Вера Степановна помахала второй парой билетов.

— Блин, ну как же так! — не выдержала Даша. — Вы всё за нас решили и теперь ещё жертву приносите! Ну что нам делать?

— Никаких жертв! — царственно успокоила свекровь. — Билеты дала мне подруга вчера вечером, у неё всё равно пропадают — горящая путёвка, так сказать. Мы тоже с отцом не собирались ни в какой поход, меня другая гора дома ждёт — неглаженного белья. Так что собирайте своих Выдриных и вперёд!

Вера Степановна ещё раз обвела кухню хозяйским взглядом. Она ревностно следила за тем, как невестка ведёт хозяйство. Квартиру Ивану купили родители, но интерьер, слава Богу, дети устраивали сами, на свой вкус. Вера Степановна осталась довольна осмотром, от внимательного взгляда не ускользнули и свежие занавески и новая кофе-машина. Ей импонировало, что невестка периодически вносила новинки в семейное гнездышко, это подстёгивало собственные дедуктивные способности. Пристрастие к любому расследованию было у Веры Степановны от рождения, от чуткого уха редкая информация могла ускользнуть, поэтому обычно она была и любила быть в курсе всего происходящего в своём окружении.

Даша тоже между тем наблюдала за свекровью, зная её пунктик насчёт чистоты. Дашины бабушка и дедушка воспитали в ней лёгкое отношение к быту — без страданий и драмы. По словам стариков, у их дочери Катерины, Дашиной мамы, был взгляд художника на устройство очага, а зять Антон, Дашин отец, и вовсе был натурой творческой: он играл на саксофоне, и материальное пространство для него существовало лишь в перерывах между музыкой.

— Так! — Иван хлопнул в ладоши. — Нам нужно собираться в поход! И позвонить Выдриным. — Подняв указательный палец, он потянулся за телефоном.

— Подожди, — Даша перехватила его руку. — Успеешь позвонить.

— Приятного уик-энда, — собралась наконец уходить Вера Степановна. — Будьте на связи.

Она ещё раз поправила тугой узел блестящих волос, одёрнула спортивный костюм, всем своим видом намекая, что в пятьдесят с хвостиком она вполне ещё ничего, хотя с точки зрения зелёной молодежи ей давно уже пора сидеть на диване и вязать носки. Дети проводили Веру Степановну, по очереди чмокнув её в щёку.

Глава 3. Пропавшие туристы

Едва за свекровью, удалившейся с чувством выполненного долга, закрылась дверь, Даша, задумчиво помахивая рекламным буклетом, прошла в свой кабинет. На полке над столом в рамке стояла фотография родителей. Даша сняла её, с ногами забралась в кресло и принялась вглядываться в родные лица. Молодые Катерина и Антон в обнимку стояли на фоне отвесной, залитой закатным солнцем скалы. Прикрыв глаза козырьком ладони от света, они то ли шурились, то ли улыбались.

Даша вздохнула: «Мои туристы...» — и нежно провела пальцем по стеклу.

— Так звонить Выдриным или нет? — Ваня вопросительно встал на пороге. — У нас сбор в три часа в пиццерии, Генка столик заказал.

Недовольная складка между Дашиных бровей выразила презрение к банальному меню:

— Он ничего поинтереснее не мог придумать твой Генка?

Заметив, что жена разглядывает фото родителей, Иван подошёл ближе, сел на мягкую ручку кресла.

— Это их последнее фото?

— Можно сказать и так... Фотоаппарат нашёл следователь, в нём были снимки их последнего маршрута.

— Странно всё-таки, почему их тела не нашли, — Ваня почесал переносицу.

— Потому что их тела живут, — Даша упрямо поджала губы. — Постой-ка!

Вдруг она замерла, переводя взгляд со снимка на глянцевого буклет круиза, где красовался пейзаж с золотистой скалой.

— Ваня! — Даша ошарашенно развернула обе фотографии к мужу. — Посмотри. Ты не замечаешь?

Она очертила ногтем схожие тектонические контуры.

— Да, что-то есть... — пробормотал Иван, присматриваясь.

— Это то самое место! — Даша резко вдохнула и тут же сбросила ноги с кресла. — Где наш чемодан?! Выдриных не берём!

— Выдриных, Даша, берём обязательно, у Генки же день рождения.

— Ах, да! Выдриных берём обязательно, — тут же согласилась Даша, но по другой причине. — Пусть празднуют на палубе, к тому же у них четырёхместная палатка!

— Даша, экипировка входит в стоимость билетов — тут указано. Да и какая палатка на теплоходе? — изумился Ваня. — Но Выдриных берём всё равно.

— Хорошо, — согласилась Даша.

На самом деле Даша не слишком дорожила их обществом. Генка Выдрин, Ванин приятель, обладал крайне ограниченным кругозором, что Дашу откровенно раздражало. Она едва сносила эту чету ради мужа. С самим Генкой ещё можно было смириться — он в основном общался с Иваном, но вот необходимость поддерживать беседу с его женой Лизой, хитрющей лисой, была истинной мукой.

Даша вообще относилась к типу людей, которых невозможно просчитать. Если бы за ней установили слежку, траектория перемещений напоминала бы нитку, которую шкодливого котёнок раскатал из бабушкиного клубка: витиевато, бешено, непредсказуемо. Она спонтанно принимала решения и требовала немедленного результата. Посторонний наблюдатель отметил бы полное отсутствие логики в её действиях, хотя логика у Даши была — глубокая, интуитивная. Её интеллект по крупицам собирал разрозненные пазлы засевавшей в голове задачи, и она шестым чувством понимала, где именно отыщется недостающий элемент. Сейчас этот элемент звал на Валаам.

— Ваня, — решительно заявила Даша. — Так и быть, пусть Выдрины тащатся с нами, но нам обязательно нужно взять в компанию Вовку и Вику.

— Зачем? — поморщился Иван.

Против родного брата он ничего не имел, но общий язык они потеряли, когда Вовка, подрастая, вдруг перестал гоняться за старшим братом и нашёл свои интересы. Он вечно просиживал за книжками или компьютером, его на улицу было не вытянуть, чтобы мяч погонять. Ну что с этим ботаником делать в круизе? С Генкой Выдриным можно посидеть с удочкой, посмеяться. А Вовка? Выслушает анекдот и посмотрит на тебя своим спокойным, изучающим взглядом, словно шутка висит перед ним, как бельё на верёвке. Потом мысленно отодвинет её в сторону — мол, да, парни, смешно. А что ему на самом деле смешно? Анекдот или то, как они

с Генкой покатываются над пошловатой байкой? Рядом с братом-философом даже смеяться было как-то неловко — он своим космическим настроением на корню гасил весь драйв.

Ваня в предвкушении поездки даже расстроился, представляя, как эта кислая парочка разбавит их компанию. Вика была под стать мужу. Вот её как раз легко было просчитать — как таблицу умножения. В шесть утра подъём, в полседьмого пробежка по парку, в восемь она уже выходит на работу. И так каждый день. В выходные график тот же, разве что из дома после обязательного сбалансированного завтрака она выходила на три часа позже. По воскресеньям — спортзал и бассейн. Скучно даже перечислять.

О чём они вообще говорят вдвоём? О диетах и параллельных мирах? Однажды Ваня стал свидетелем их беседы за семейным ужином. Именно свидетелем, потому что участвовать в ахинею о пространственных петлях здравый рассудок не позволял. Ему казалось, что в обществе Вики можно сойти с ума от тоски в первый же день. А Вовчик жил с ней уже полгода без малейшего намёка на безумие, и вроде всё у них было нормально. Ну, полгода не срок. Посмотрим на тебя через три года, каким ты, братец, Гоголем запоешь. Ваня трёхлетний семейный стаж считал уже солидным и заслуживающим уважения — за это время он с Дашей такого натерпелся, с ней-то уж точно не соскучишься.

Ну да ладно, в конце концов, он же не тет-а-тет с этой четой Вова-Вика остаётся, если Даша хочет их позвать, пусть сама с ними и тухнет от тоски на теплоходе. И Ваня обречённо вздохнул:

— Звони сама, я напрашиваться на компанию с ними не хочу. Начнут сейчас расспрашивать всякие подробности, у них же всё должно быть по плану, за месяц вперёд.

Даша прищурилась, в глазах вспыхнул лукавый огонёк. Она мстительно посмотрела на мужа:

— А пусть твой Генка пригласит их на свой день рождения. Всё-таки он у нас сегодня виновник торжества!

Внимание Ивана привлекло пикиканье смартфона. На экране высветилось СМС: «Регистрация на борту теплохода «Соболев» в 18:50 ч. Подробная информация spb-valaam.ru». Он удивленно посмотрел на Дашу, которая в этот момент читала точно такое же сообщение от неизвестного абонента и не сдержался:

— Ну, мама, продавила ситуацию, блин...

И тут его осенило:

— Дашуль, а ведь путёвки-то всего четыре, куда мы третью пару впихнём?

Даша закинула руки за голову и посмотрела на мужа из кресла так, словно гипнотизировала, подталкивая к очевидному решению:

— Похоже, твой Генка сегодня ограничится пиццерией.

Она слегка прикусила нижнюю губу. Возражать в такие моменты было бесполезно — её упрямый взгляд без всяких слов давал понять: либо они сейчас крупно поссорятся, либо всё будет так, как она решила.

— Столик у него на сколько заказан? На три часа? А регистрация у нас почти в семь. Так что хватит твоему Генке веселья на три часа!

Ваня вытаращился на Дашу:

— Так мы прямо после обеда двинем в круиз? В ночь?

— Ванюша, ты же видишь, здесь написано: «Круиз суббота – понедельник», — помалала Даша рекламным буклетом перед Ваниным носом. — Вечером отплываем, утром будем на Валааме, в понедельник возвращаемся, — тоненько добавила она нараспев.

— Вика не согласится, — весело парировал Ваня.

Он уже немного успокоился, поняв, что Генку никто жёстко не «кидает»:

— Она терпеть не может опаздывать на работу, а теплоход — это тебе не поезд, в тумане может и задержаться.

— Она с понедельника в отпуске! — с видом победившего гроссмейстера торжествующе пропела Даша. — А у Вовчика фриланс, ему всё равно, где работать, лишь бы интернет был.

— Как раз интернета на Ладого может и не быть, — пробурчал несдающийся Ваня.

Но Даша лишь крепче прижала буклет к груди.

— Я думаю, всё сходится, — она театрально сцепила ладони и улыбнулась, наклонив голову набок, точно доверчивый ребёнок. — Осталось поставить их в известность о внезапном изменении планов на выходные.

Даша неспроста решила пригласить в поездку Ваниного брата. Вика, понятно, паровозом, без неё Вовчик не поехал бы.

Глава 4. Младший брат

С Вовчиком Даша познакомилась при первой же встрече с Ваниными родителями в их квартире на Фонтанке. В один из питерских вечеров, когда за окном неспешно опускались сырые сумерки, они с Иваном вошли в подъезд. Даша ужасно волновалась. Иван, заметив её мандраж, лишь весело похихикивал, крепко держа за руку и уверяя, что предки — самые милые люди на свете.

Матвей и Вера встретили будущую невестку невероятно тепло. Но настоящий внутренний толчок Даша испытала чуть позже, когда из своей комнаты, неохотно оторвавшись от монитора, вышел Володя.

Иван тут же снисходительно хлопнул младшего брата по плечу:

— А вот и наш домашний философ! Знакомься, Вовчик, это Даша. Дашуль, ты сильно его умными речами не грузи, он у нас парень книжный, тяжелее мышки от компа ничего в руках не держал.

Грубоватая, хотя и беззлобная простота Ивана в этот момент впервые резанула Дашу по ушам. Она посмотрела на Володю.

Володя выслушал шутку старшего брата совершенно спокойно. Он лишь едва прищурился, привычно смерив Ивана тем самым серьёзным, пронизательным взглядом, от которого обычно «гасился весь драйв». Но когда Вовка перевёл глаза на Дашу, его лицо на мгновение смягчилось, обозначив едва заметную, приветливую усмешку. В гостиной словно изменилось атмосферное давление.

Даша замерла. В отличие от Ивана, который видел в брате исключительно угрюмого «ботаника», она сразу почувствовала в нём что-то родное и бесконечно важное.

Вдумчивый, устремлённый куда-то глубоко внутрь себя взгляд Володи с пугающей, кристальной ясностью срезонировал с её собственной генетической памятью. Этот парень смотрел на мир точно так же, как её мама Катя и отец Антон. В его глазах не было высокомерия — в них жила та самая древняя, тихая мудрость сейда, которую Даша подсознательно искала всю свою жизнь.

— Очень рад, Даша, — негромко произнёс Володя, протягивая ей руку.

Его ладонь была прохладной, а прикосновение — сдержанным. Но в секунду этого контакта Даша ощутила, как внутри неё будто сработал невидимый камертон. На ментальном уровне они мгновенно поймали одну и ту же скрытую частоту. Иван со своей бьющей через край земной энергией оставался слеп к этим тонким материям, а вот между Дашей и Володиной нитью протянулась прочная, невидимая нить понимания.

— Привет, Володя, — Даша тепло улыбнулась, и её улыбка была предназначена только ему — без напускного веселья, искренняя и понимающая. — Иван рассказывал, что ты увлекаешься историей и архивами.

— Есть немного, — Володя снова едва заметно улыбнулся, но на этот раз его взгляд заметно потеплел. Он понял, что эта девушка, в отличие от брата и его вечного спутника Генки, не собирается шутить над его замкнутостью. Она увидела в нём человека, а не просто скучный семейный «придаток».

Весь оставшийся вечер Иван увлечённо гремел тарелками, шумно расспрашивал отца про ремонт машины и травил вместе с ним гаражные байки. Он был в своей тарелке — громкий, понятный, сильный. Но Даша то и дело ловила на себе спокойный взгляд Володи с другого конца стола. Ей больше не было одиноко или страшно в этом доме. Она знала: если в её жизни когда-нибудь случится что-то необъяснимое или пугающее, Иван бросится защищать её кулаками, но именно этот молчаливый «ботаник» станет тем единственным, кто сможет её по-настоящему понять и спасти.

Случай поговорить наедине с Володией представился в тот же вечер спустя пару часов. Иван ушёл на кухню помогать Матвею Михайловичу с огромным фарфоровым чайником, а Вера Степановна отлучилась за свежими полотенцами. В большой гостиной воцарилась та уютная, сонная тишина, какая бывает только в старых питерских домах после сытного ужина.

Володя сидел в кресле у окна, лениво перелистывая какую-то толстую историческую монографию. Даша подошла ближе, разглядывая корешки книг на старинных полках.

— Сложное чтиво, — тихо сказала она, кивнув на его книгу.

Володя поднял глаза, и его губ коснулась уже знакомая Даше едва заметная усмешка. Он закрыл том:

— Хроники карельских переселенцев девятнадцатого века. Иван считает это лучшим сновторным в мире.

— А по-моему, это невероятно интересно, — Даша присела на край соседнего стула, всматриваясь в его серьёзное лицо. В ней крепло ощущение, что именно этому парню она может доверить то, что годами носила в себе как глухую боль. — Вов... А ты веришь, что история может обрываться? Вот так просто — бац, и человека нет. Ни документов, ни следов. Будто хронологию кто-то стёр ластиком.

Володя внимательно посмотрел на неё. Его философский настрой мгновенно уловил скрытую дрожь в её голосе. Он положил руки на книгу:

— В официальной истории пробелов больше, чем кажется, Даш. Но люди просто так не стираются. Всегда остаётся зазубрина в пространстве. А почему ты спрашиваешь?

Даша опустила глаза, её пальцы судорожно сжали край платья:

— Мои родители. Антон и Катя. Вот уже двадцать пять лет прошло, как они просто уехали с туристами на Валаам. Мне тогда был всего годик, они гастролировали, меня не могли с собой взять. И всё. Пропали без вести. Понимаешь, официально — несчастный случай на Ладоге, просто не вернулись на теплоход, тела не найдены. Но у меня внутри... у меня кровь закипает, когда я смотрю на их старые походные снимки. Их вещи остались на теплоходе. Там, на острове, случилось что-то другое, Вовка. Мистическое. То, что совершенно не укладывается в логику Ивана.

Володя слушал её, не перебивая. В его глазах не было ни тени скепсиса, который Даша так часто видела у следователей. Напротив, его трезвый, аналитический ум мгновенно начал связывать её слова с какими-то своими, внутренними догадками. Он неосознанно вспомнил, как его собственный отец, Матвей, иногда глухо затихал, когда по телевизору упоминали Валаам или карельские аномалии.

— Зазубрина... — негромко повторил Володя, глядя в темнеющее питерское окно. — Валаам — странное место, Даш. Точка пересечения очень тяжёлых пластов. Если твои роди-

тели искали там закономерности, они могли наткнуться на то, к чему наш мир просто не готов. Ты хочешь поехать туда?

— Хочу, — Даша подняла на него проницательный взгляд, в котором горели решимость и надежда. — И когда-нибудь поеду обязательно.

Володя промолчал, лишь серьёзно и понимающе кивнул. Но в этом коротком жесте Даша прочла его железное согласие. Кровные частоты их душ совпали окончательно.

В этот момент в гостиную шумно вернулся Иван, балансируя в руках тяжёлым подносом с чашками:

— Ну что, философы, не заскучили тут без меня? Вовчик, ты зубы Дашке своими шкелями и архивами ещё не заговорил? Давай двигайся, чай пить будем!

Даша и Володя переглянулись. Нить понимания между ними затянулась в прочный узел.

Глава 5. Сборы

— Даша, Даш! — Иван потряс её за плечо, возвращая из затянувшихся воспоминаний в реальность субботнего утра. — И как ты это сделаешь? Как заставишь Вика поехать с нами? — хмыкнул он.

Она окончательно выпорхнула из своих дум и лёгким касанием экрана переслала Вике СМС от турфирмы.

— Десять, девять, восемь, се-е-емь... — Даша запустила обратный отсчёт, загибая пальцы на каждый счёт. — Три, два...

Экран высветил Викино фото и сигнал входящего вызова.

— Да, — важно приняла звонок Даша, победно взглянув на мужа.

— Добрых выходных, Даша, — приветливо донеслось по громкой связи. Это, конечно, была Вика. — Я надеюсь, это не спам от тебя пришёл? — доброжелательно пошутила она.

— Нет, Вика, это не спам, — интригуяще ответила Даша. — Мы с Ваней приглашаем вас на приятную прогулку до Валаама в эти выходные. Отбываем сегодня, вернёмся утром в понедельник. Экипировка входит в стоимость, с собой нужно взять только личные вещи в минимальном количестве.

— Дашуль, что же ты раньше не предупредила? — разочарованно вздохнула Вика. — Мы с Володей уже в Петергоф собрались.

— Разворачивайтесь, не пожалеете! — убедительно стала уговаривать её Даша. — Там такая природа, ахнете. А Петергоф за это время никуда не денется, он триста с лишним лет простоял и ещё неделю простоит, я вам обещаю, — самоуверенно вещала она.

— Заманчиво, конечно, на теплоходе... — начала сомневаться Вика.

— Лёд тронулся, — одними губами шепнула Даша мужу.

— А сколько билет стоит? — Вика не любила оставаться в долгу.

— А зачем тебе это знать? — легкомысленно проворковала ей в ответ Даша. — Пусть наши мужчины с этим разбираются. Наша с тобой задача — вдохновить их на путешествие, а остальное — в их руках! — Даша подмигнула Ване.

Ваня гордо помалкивал. Да, он мужчина и, конечно, сам разберётся со всеми финансовыми вопросами.

— Ну хорошо, я сейчас с Вовчиком переговорю и перезвоню тебе, — пообещала Вика.

— Вообще странно, почему Вера Степановна им не предложила вторую пару билетов, — недоумённо пожала плечами Даша, обращаясь к мужу.

— Не успела, наверное, — Иван тоже растерянно развёл руками. Он знал, что мать была в курсе разрозненности интересов братьев, ведь они не очень-то любили отдыхать вместе.

«Иван, привет, сбрось координаты и стоимость круиза», — лаконичное и деловое сообщение вскоре пришло от младшего брата.

Ваня отсканировал QR-код на буклете и отправил его Вовке с припиской: «Привет, путёвки мать подкинула, горящие, мы не платили за них. Вы едете?».

Вовчик прочёл входящий текст и скупо улыбнулся:

— Ваня думает, что за горящие путёвки платить не нужно... Ладно, разберёмся.

Он уже крутил руль — его преданный Subaru послушно разворачивался на трассе, возвращаясь обратно в город.

— Надо как-то выстраивать нормальные отношения с родственниками, глупо отказываться от такого шикарного предложения, — убеждала его Вика.

— Угу, — кивнул Вовчик.

Он тоже ничего не имел против общения с братом, любил его и в детстве даже гонялся за ним хвостиком. Но, повзрослев, братья разошлись по разным орбитам. Иван предпочитал качать мышцы в спортзале, а Вовчику нравилось прокачивать интеллект за компьютером и книгами — вот и вся разница. Конечно, Ваня не был тупым качком, да и Вовчик не был пугливым ботаником, просто каждый развивался в свою сторону. Но внутри у Володи ворохнулось странное предчувствие. «Валаам... — мысленно повторил он Дашины слова из их давнего разговора. — Неужели время пришло?»

Ваня листал в интернете описание предстоящего тура, изучая стоимость попутных развлечений, и тут его осенило:

— Слушай, я же Генке в подарок приготовил сертификат в магазин «Охота и рыбалка». А что, если мы ему вместо этого подарим круиз вместе с нами? — он всё ещё не оставлял надежды прихватить в компанию Выдриных.

Даша развела руками:

— Хозяин — барин, если потянешь ещё две путёвки, то почему бы и нет. Только мест на «Соболеве» наверняка уже нет, отправление-то сегодня.

— Разберёмся, — Иван принялся лихорадочно искать контакты туроператора на сайте.

Видимо, этот субботний день был отмечен особой, пугающей благосклонностью судьбы. Либо невидимый кукловод просчитал абсолютно всё до единого шага. На вечерний рейс до Валаама совершенно случайно нашлась последняя свободная каюта — как раз для именинника Гены и его жены Лизы.

Глава 6. Праздник начался

Произнося поздравительный тост в пиццерии, Ваня торжественно вручил другу электронные путёвки на продолжение праздника в ритме романтики. Вихрастый Генка от неожиданности распахнул каре-жёлтые глаза и размашисто обнял друга.

— Вот это подарок! Не ожидал, — Генка восхищённо засиял от удовольствия, увеличивая Ванино СМС на своём телефоне. — Кутим до понедельника!

Лиза с любопытством заглянула в путёвки и тоже зарделась от удовольствия. Её лисьи глазки лукаво заблестели, и она в порыве чувств чмокнула Ваню в щёку. Лиза и впрямь была похожа на лисичку: рыжий пышный хвост волос, вытянутый чёрной подводкой разрез глаз, чуть вздёрнутый аккуратный носик и миловидные ямочки на щеках. Тонкая талия не боялась ни пиццы, ни пирогов, ни прочего калорийного фастфуда. Все эти аппетитные куски исчезали в ней без следа, словно они проваливались в какое-то параллельное измерение. Готовить Лиза не любила, предпочитая либо шашлыки, поджаренные мужскими руками, либо готовую еду, поэтому и для Генкиного дня рождения выбрала эту пиццерию на летней террасе.

Гости поедали сочную лазанью, салаты и, конечно, королевой стола распласталась огромная пицца-ассорти. Спутниками поздравительных тостов были слабоалкогольные коктейли.

На фоне Ваниного царского подарка скромное застолье даже немного померкло. Имениннику не терпелось переместиться на теплоход; он громко хохотал от Ваниных хохмочек, довольно выдвигал нижнюю челюсть и раскачивал головой на толстой шее — точь-в-точь как игрушечная собачка на торпедо автомобиля.

Даша, подавляя раздражение от Генкиного гогота, искусно изображала веселье, перемигиваясь с Лизой и уплетая пиццу-ассорти, но внутри была полностью сосредоточена на вечернем маршруте. Даром что ли, она актриса?

Генка заказал две бутылки шампанского — гулять так гулять.

— Старик, мы с тобой поедем покорять Ладугу! — раздухарившись, наваливался он на друга.

— Вообще-то, нас там ждут суровые северные скалы, — улыбнулась Даша. — Придётся карабкаться к монастырю пешком.

— А я что говорю?! Лучше гор могут быть только горы, на которых ещё не бывал! — проорал Генка, путая шхеры с Альпами.

Хорошо, что они сидели на летней террасе пиццерии, и громкая музыка заглушала Генкин вокал, а то их давно бы приструнили.

— По скалам?! — выскочила из-за стола Лиза, демонстрируя ошеломительные каблуки. Она зашлась от смеха, согнувшись, как перегоревшая спичка, и забавно притоптывая на месте.

Даша иронично взглянула на Ивана: мол, ты этого не учёл?

— Спокойно, — жестом вождя индейцев Иван поднял вверх правую ладонь. — Элизабет, какой у тебя размер?

— Тридцать пятый был с утра, — Лиза кокетливо покрутила в воздухе изящной туфелькой.

— Главное, что не сорок второй!

Даша мгновенно поймала его мысль:

— Лиз, у нас в машине есть моя сменная пара кроссовок, тридцать седьмой. С носками как раз будет.

— С этими?! — Лиза триумфально извлекла из сумочки полосатые яркие шерстяные носки, отчего компания пришла в дикий восторг.

— Чё вы ржёте, это мне бабушка с утра всучила, а я не стала возвращаться домой и засунула их в сумку, — сквозь смех оправдывалась Лиза.

— За бабушку! — завопил Генка, поднимая бокал, и полез обниматься к раскрасневшейся от смеха жене.

Три часа весёлой суматохи пролетели как один миг. Иван скоординировал новоиспечённых туристов:

— Выдвигаемся, ребя! Нам ещё до причала через весь город добираться, такси сейчас закажу.

— Ок, бро, как скажешь, — Генка сосредоточился на принесённом счёте, а потом посмотрел помутневшими глазами на Лизу, протягивая ей телефон. — Лизок, заплати с моей карты.

— Ген, я не поняла, ты чего так наклюкался от пары бокалов шампанского? — Лиза покладисто выполнила его поручение.

Генка, слегка покачиваясь, загадочно расплылся в улыбке и заговорщически похлопал себя по нагрудному карману джинсовой куртки:

— А это, Лизок, такой заколдованный бокал шампусика. Он расщепляет сознание тем, кто открыто доверяет друзьям.

— Всё понятно с тобой, — Лиза беззлобно и снисходительно подтолкнула опьяневшего мужа к выходу. — Весь праздник ещё впереди, держись, дорогой!

Даша прихватила из машины спортивную сумку с кроссовками и формой для фитнеса. Эта записка неожиданно пришлась кстати. Лиза, конечно, немного утонет в её вещах, ну да всё равно это лучше, чем штурмовать карельские тропы на шпильках. Сами хозяева праздника, Иван и Даша, были полностью готовы к круизу: они пришли в пиццерию в удобной одежде — джинсах и футболках. Правда, Даша ради торжества выбрала модель со стразами и размашистой надписью: «*Forever young!*».

Глава 7. Долгожданный круиз

Весёлая компания на драйве, слегка разбавленная сдержанным настроением Вики и Вовчика, поднялась на шлюпочную палубу теплохода «Соболев».

— Братан, вы здесь остановитесь, а мы погружаемся ниже, — хохотнул Иван, помахав Вовчику.

Тот понимающе кивнул, и они с Викторией пошли искать свою двухместную каюту под номером 317. Шлюпочная палуба была самой верхней на четырёхпалубном гиганте, и друзья договорились встретиться в панорамном баре ровно через двадцать минут после отчаливания, чтобы продолжить праздник.

— Приехали, — Володя повернул ключ в дверной скважине.

— Уютненько, — довольно отметила Вика, оценив интерьер их временного гнёздышка, и по-хозяйски заглянула в мини-бар. Маленький холодильник был доверху забит безалкогольными напитками, а в морозилке красовалась форма с аккуратными прозрачными кубиками льда.

— И с нормальным окном, смотри, Вик, — он отодвинул белоснежную занавеску. — Повезло нам, никакого полумрака.

— На этой палубе все каюты с обзором, — Вика тоже полюбовалась открывшимся видом и привычным аккуратным движением расправила легкий тюль.

Они заворожённо наблюдали за проплывающим по правому борту берегом Невы. Четырёхпалубный «Леонид Соболев», рассчитанный почти на триста пассажиров и растянувшийся размером с футбольное поле, неспешно проходил под Большим Обуховским мостом, серебряные ванты которого ослепительно сверкали на солнце.

Жаркие осенние лучи, не скрываясь за облаками, ласкали своими бликами борта теплохода, словно посылая воздушные поцелуи в огромные панорамные окна ресторанов. Иван привёл свою команду к двери с номером 109 и широким жестом хозяина положения пригласил всех внутрь.

Генка, пропустив вперёд девушек, нарочито чванливым гоголем переступил порог. Иван, довольный, что угодил другу, закрыл за компанией дверь и энергично потёр ладони:

— Ну-с, кто сверху?

Четвёрке досталась уютная двухъярусная каюта на самой нижней палубе, где вместо привычных окон стены украшали круглые речные иллюминаторы.

— Вода в иллюминаторе, вода в иллюминаторе, — пропел Генка, постучав костяшкой указательного пальца по толстому стеклу.

Лиза, слегка утомившаяся после праздничного обеда и суеты на пристани, где они ошалело метались в поисках посадки, наконец-то вальяжно устроилась на нижней постели с кожаной спинкой. Посмеиваясь, она наблюдала за Генкиными восторгами.

— Сокол, Сокол, я Выдра, приём! — развлекался тот, играя с пультом от кондиционера.

— Выдра, какие планы на вечер? — веселился вместе с другом Иван.

Он мгновенно подыграл приятелю: прижал к губам телевизионный пульт и, прикрыв его ладонью, будто рацию, зашипел в воображаемый микрофон.

Даша тоже присела на нижнее место, давая понять, что дебаты на тему «кто сверху» неуместны.

Генка с ловкостью обезьяны запрыгнул на верхнюю полку над Дашей и подмигнул Лизе — мол, так удобнее перемигиваться.

Иван, предварительно проверив на прочность полку, тоже подтянулся и лёгким трюком гимнаста разместился горизонтально над Лизой.

Даша посмотрела на него одобрительно: действительно, так удобнее было смотреть на мужа, чем любоваться Генкиной вихрастой башкой.

— Так, я лично в душ, за мной не занимать! — Даша, прихватив рюкзачок, скрылась в ванной комнате.

Генка проводил её взглядом, выразительно посмотрел на друга и поджал губы в обратном смайлике — мол, чистоплюйка. Иван беспечно махнул рукой: дескать, не обращай внимания. Лиза, пользуясь тем, что мужчины заняты собой, принялась прихорашиваться перед маленьким зеркальцем.

Даша защёлкнула дверь, скинула кроссовки, обильно умыла уставшее лицо над раковиной и, не вытираясь, взгляделась в своё решительное отражение. В груди разрасталось ощущение неясной тревоги. Она не подозревала, насколько перевернёт её устоявшуюся жизнь этот спонтанный круиз, не могла даже предположить, какой зигзаг судьбы преподнесла им свекровь, сама того не ведая.

Сердце то подкатывало к горлу, словно Даша парила в невесомости затяжного прыжка, то ухало в живот, вызывая глухую тошноту. «Господи, мы ещё толком не отплыли, а меня уже укачивает?» — с волнением прислушалась к себе Даша. Дрогнувшей рукой она потянулась к пушистому полотенцу и медленно поднесла его к лицу, не отводя глаз от зеркала.

За дверью снова раздался дикий ржач Генки. Даша болезненно поморщилась. Почему её так раздражает Выдрин? Она не могла найти причину этого отторжения, но что-то в Генке цепляло её, как крошечная, невидимая заноза, которая колется при каждом движении, ускользает от взгляда и только наощупь елозит под кожей.

Глава 8. Память Ладоги

Сентябрь, 2000 год.

Теплоходы умеют помнить. Белоснежный «Леонид Соболев» помнил тысячи лиц, сотни маршрутов и миллионы брызг ладожской воды. Но один осенний день двадцать пять лет назад въелся в его палубные доски мёртвой хваткой. Точно в такой же субботний вечер, подставив борта целующему иллюминаторы солнцу, он принимал совсем других пассажиров.

В дверь двухместной каюты номер 317 постучали. Её тут же открыл высокий молодой мужчина с гладко выбритой головой и аккуратными, как у Гурвинека, заметно выделяющимися ушами.

— Роман Борисович просил передать, что гости ожидают вашего выступления в восемь вечера в панорамном баре, — стюард протянул поднос с двумя чашечками свежесваренного кофе и миниатюрными пирожными на отдельном блюде.

— Да, спасибо, я помню, — принял поднос Антон.

Это был внештатный музыкант, исполняющий импровизации на саксофоне по зову сердца. Переливы этого инструмента порой могли заменить целый оркестр, поэтому саксофониста часто приглашали в подобные круизы.

Он оттачивал мастерство игры с тринадцати лет и достиг весьма приличного уровня. Любимое увлечение приносило достойное вознаграждение, на которое мужчина уже мог содержать жену и маленькую дочурку, мечтая при этом о большом потомстве.

Начинал Антон в одиночку, да и не гастроли это были поначалу. Белобрысый паренёк играл в летних кафе, чтобы заработать на лечение матери. Невеликие деньги платили за эту работу, но скромные гонорары поддерживали их в самый трудный период. Жили они на станции Волконская Северо-Кавказской железной дороги. В сезон толпы богатых туристов выходили на перрон освежиться и глотнуть морского воздуха, и Антон ловил удачу, встречая приезжающие поезда маршем «Прощание славянки».

— Сынок, ты не бросай музыкальную школу, учись дальше, — просила его мать, когда он исполнял для неё свои первые импровизации. — Музыка твоя лечит, правда.

— Мам, сакс во мне уже навсегда, — не шутя говорил ей Антон.

А вот отец его увлечения не разделял:

— Не майся дурью! Чё это за работа для мужика — в дудку дуть? Пойдёшь в мореходку, вот где закалка.

Отец у Антона был крепким матросом, работал на рыболовных судах, часто уходил в море на промысел. В воспитании сына участвовал приливами и отливами. Если рейс удавался богатым, он возвращался весёлым, покупал яркие подарки и снисходительно похлопывал его по плечу:

— Растёшь!

В случае же скудного улова бывалый матрос сходил на берег злым, как морской чёрт. Он бешено матерился на весь белый свет, обвиняя в неудачах каждого, кто подворачивался под руку.

Мать в такие моменты сжималась от страха — никогда не знаешь, чего ждать от разыгравшейся бури под грязной тельняшкой. От этого вечного стресса она начала болеть и прожила недолго, скончавшись из-за тяжёлых вторых родов, едва Антону исполнилось пятнадцать. Именно тогда парень решил жить самостоятельно и зарабатывать любимым делом. Музыкальную школу он не бросил из почтения к памяти матери, а после выпуска из общеобразовательной пристроился в ресторан в Гаграх по протекции своего наставника — по мнению отца, такого же сумасшедшего, как и все музыканты.

— Всё, Тошка, ты теперь отрезанный ломоть! Связался с этим дурдомом — помощи у меня не проси! — орал пьяный отец, обиженный тем, что сын не принял его морские подарки: трофейную пряжу, выторгованную на каком-то портовом рынке, и яркий галстук-косынку бутылочного цвета.

— На хрена мне это... — морщился Антон, возвращая сунутые ему в руки подарки. С отцом он говорил на его сленге, иначе тот не понимал.

— Да ты чего! Надень, все девки твои будут, — не сдавался матрос, пытаясь повязать сыну косынку.

— Да не буду я наряжаться как твой попугай.

Отец сильно обиделся за Кешу — большого зелёного попугая, которого всегда брал с собой в рейсы. Он повернулся к клетке:

— Нет, ты это видел? Ты ему не нравишься!

— Кеша хороший, — тут же отозвалась птица, успокаивая хозяина.

Отец, икая, глубоко вздыхал и разочарованно разводил руками:

— А он... не хочет... — делая драматичные паузы и комично поджимая губы, сокрушался матрос. И тут же нервно выкрикивал: — Ну и катись к своему дармоеду! Тоже мне, музыканты, чёрт бы вас побрал с вашей музыкой!

Словом, семейная жизнь у Антона с отцом не сложилась, и он рано покинул родительскую шлюпку.

Спустя два года Антон познакомился в Гагре с юной танцовщицей, которую про себя сразу окрестил Шамаханской царицей. Жгучие выразительные глаза и смолистые брови оставались загадочно холодными в жарком ритме индийского танца. Лицо красавицы скрывала сиреневая вуаль, отчего тайна её движений становилась ещё притягательнее.

«Шамаханская царица» оказалась дочерью цирковых акробатов, так что кочевая жизнь была ей не в диковинку. В семнадцать лет она пожелала зарабатывать сама. Полученное урывками среднее образование не открывало перспектив для поступления в институт, зато девушка была физически сильной, отлично сложенной и с малых лет привыкшей к изнурительным тренировкам на арене вместе с родителями. Когда у них замаячила пенсия и они решили осесть на тренерской работе, дочь отправилась в самостоятельное плавание. Она выбрала Гагру — самый красивый город на побережье Чёрного моря, где были и солнце, и романтика. Поклонников у «царицы» имелся целый штат, но она держала категоричную дистанцию: защиту и помощь принимала, а прочие ухаживания пресекала в зародыше.

Под восточным, расшитым бисером нарядом скрывалась наша «царица» с простым русским именем Екатерина.

Антон не решался первым подойти к таинственной красавице, изящно кружившейся между столиками ресторана восточной кухни, пока она сама не приблизилась к нему, изгибаясь под сиреневой вуалью. Екатерину задевало, что этот новенький саксофонист в их коллективе упорно не обращает на неё внимания и даже не смотрит в её сторону. «Непорядок, — решила она, — срочно оформить в штат поклонников!»

Когда при её приближении Антон, старательно выдувая мотивы «Хава нагила», густо покраснел то ли от натуги, то ли от смущения, Катя поняла: птичка попала в сети.

Переодевшись после выступления в привычные шорты и маечку, она подошла к нему и изящно протянула руку:

— Катя!

— Антон, — ответил юный музыкант, уже справившись с волнением, и легонько пожал её ладонь.

Катя мелодично хохотнула и махнула ему рукой:

— Пойдём, выпьем чего-нибудь.

Антон пожал плечами — пойдём. Опыта ухаживания за девушками у него почти не было: в школе на это не хватало времени, да и никто до сих пор не тревожил его юное сердце. Он только здесь впервые почувствовал, что душа может трепетать не только от красивых созвучий.

Кате, видимо, не хватало общества сверстников, поэтому она легко и непринуждённо болтала с новым знакомым. Они устроились за барной стойкой:

— Мохито, — кивнула Катя бармену. — А тебе? — уточнила она у Антона.

— И мне, — решительно повторил он.

Бармен приготовил юной парочке два безалкогольных коктейля с ломтиками лайма и лукаво подмигнул девушке, кивнув на её спутника: мол, новая жертва? Та лишь весело улыбнулась в ответ — дескать, ещё неясно.

Что там было неясно? Уже через несколько дней стало очевидно, что Антон по уши втрескался в свою «Шамаханскую царицу», сгорая под взглядом её весёлых, теперь уже совсем не холодных глаз. И закружился их роман на черноморском побережье, где и куда более искушённые сердца пропадали в омуте южных страстей. Что уж говорить про горячую трепетную юность, когда всё впервые — наивно и отчаянно.

И вот теперь лёгкая на подъём Катя повсюду сопровождала своего спутника жизни. Антона как раз пригласили в круиз развлекать публику чарующими звуками альт-саксофона. Выполняя роль уже штатной музыки, Катя обустроивала их быт в бесконечных разъездах и цыганских путешествиях. Помимо творческого вдохновителя, она стала ещё и продюсером мужа: сама согласовывала райдеры, подписывала контракты на выступления и строго управляла гоно-
рамом. Впрочем, Катя и сама вполне могла себя прокормить. Она виртуозно танцевала, заво-
раживая зрителей изгибами сильного тела, облачённого в утончённые концертные платья.

Антон аккуратно открыл футляр с двумя замками, бережно погладил трубку саксофона и проверил элементы разобранного инструмента. Всё было на месте: мундштук, трость и лига-
тура послушно лежали в бархатных углублениях.

Томпаковый бок сакса поймал яркий солнечный луч, и Антон озорно пульнул «зайчика» прямо в глаза Катерине. Та со смехом зажмурилась, уклоняясь от шутивого нападения. Они оба ещё не утратили прежней игривости в отношениях, хоть и успели родить дочь Дашеньку, оставив её на время гастролей под присмотром Катиных родителей.

— Ну, вам и ребёнок не помеха, — уютно ворчала тогда Катина мама, убаюкивая внуку. — Пора бы уже остепениться, молодые родители...

— Мам, будто вы с папой прямо сразу остепенились с моим появлением, — рассмеялась в ответ Катя. — То-то я с малых лет из-под купола цирка не вылезала, изучая манеж прямо из люльки.

— Что правда, то правда, — вздохнул Катин отец. — Ничего, дочка, вырастим внуку, не переживай!

— Ну вы это, «вырастим», — шутиливо возмутился Антон. — Мы же не навсегда уезжаем, всего на неделю.

— Ну вот и отлично, — смирилась тёща, перекладывая малышку в кроватку. — Вернётесь — а ребёнок целую неделю прибавил.

Она заговорщически подмигнула зятю, задёргивая шторку колыбели.

Глава 9. Эльза

Сентябрь 1968 года.

Полуденный лёгкий зной ласково окутывал Ахен. Ленивое шевеление густого тёплого воздуха ощущалось всей кожей. После сытного обеда Паула вышла на тенистую террасу в тонком платье без рукавов и склонилась над деревянной колыбелью, которая по наследству перешла к ней от матери Софии. Девятимесячная белокурая Эльза, убаюканная уютным покачиванием, наконец-то заснула и тихонько посапывала, приоткрыв ротик. Её бледное личико дышало безмятежностью, словно уверяя мать, что прямо сейчас всё в порядке. На тонких веках девочки едва заметно проступали ниточки голубых вен. Сердце Паулы сжималось, когда эти нежные полупрозрачные веки легко подрагивали во сне. Женщина осторожно прислушивалась к затаённому, с редким прихрюкиванием дыханию дочери и глубоко вздыхала. Она каждый раз с трепетом подходила к своей крошечке в тайной надежде, что девочка окрепнет после сна, подрастёт хоть на миллиметр.

Но Эльза обычно просыпалась с безжизненным выражением лица. Она не куksилась, не плакала, просто спокойно лежала, и казалось, что каждый вдох был для неё мучением. Её маленькое сердце родилось с пороком: недоразвитие клапана угрожало малышке внезапной кончиной ещё до того, как она успеет отпраздновать свой первый день рождения.

Спасти Эльзу могло только донорское сердце. И дело было не только в совместимости тканей — сам 1968 год требовал от врачей отчаянной смелости. Буквально в те самые месяцы, пока угасала девочка, мировая медицина ломала старые каноны. Только что принятые Гарвардские критерии и Сиднейская декларация Всемирной медицинской ассоциации впервые разре-

шили признать смерть мозга кончиной человека. Это открывало легальный, но ещё такой шаткий путь для посмертного донорства по всей Европе, даруя безнадежной немецкой малышке призрачный, почти фантастический шанс на жизнь.

Родители Эльзы, Карл и Паула, отчаянно искали варианты, посылали запросы в десятки клиник, но подходящего органа не находилось. Система «Евротрансплант» молчала. Найти идеальное детское сердце в Европе в те годы было практически невозможно — очереди длились месяцами, которых у Эльзы не было.

Паула караулила сон дочери в тенистом саду загородного дома. Это было небольшое имение её родителей в курортном Ахене. Когда Эльзе поставили страшный диагноз, они с Карлом сразу вернулись сюда из Берлина. Девочка нуждалась в постоянном наблюдении врачей, а мягкий, комфортный климат этих мест был для неё жизненно необходим. Родовое гнездо, разделённое на две половины по немецкой традиции, вмещало несколько спален, одну большую кухню и общую гостиную. При этом жильцы могли пользоваться двумя автономными входами — один для стариков, другой для молодой семьи.

Дом окружал ухоженный сад. Земля в курортном городе стоила огромных денег, она передавалась в роду Альбрехтов уже несколько поколений.

На террасу бесшумно вошёл Франк — дедушка Эльзы. Привстав на цыпочки, чтобы не скрипеть половицами, он приблизился к колыбели.

— Тсс, — предупреждаяще прошептала Паула. — Сама скоро проснётся.

Франк Альбрехт тяжело опустился в плетёное кресло.

— Никас обещал сегодня хорошие новости, — не удержался он, переходя на шёпот.

Обычно сдержанный старик сегодня сильно волновался: появилась реальная возможность доставить донорский орган для внучки из-за границы. Но Франк пока держал это в себе, боясь спугнуть удачу. Тайна росла в нём, распирая грудь и ломая его строгие внутренние принципы.

Паула устало посмотрела на отца. Она отчаялась ждать. Внутреннее напряжение от вечной тревоги настолько измотало её, что сегодня она почувствовала странное, покорное смирение: как определит Господь судьбу её дочери, так она и примет этот крест.

Франк посмотрел на карманные часы: он всегда уважал пунктуальность своего старого друга Никаса, с которым они служили в разведке во время Второй мировой войны на стороне союзников. Несмотря на немецкое происхождение, Франк тогда сознательно помогал советской разведке в борьбе с нацизмом, а Никас Рузве был родом из России.

Глава 10. Зеленый коридор Никаса

Судьба приговорила Никаса остаться в Германии после окончания Второй мировой. После сорок пятого года его миссия продолжалась в Берлине, но в сорок девятом, когда раскол страны стал окончательным, легенда советского разведчика изменилась, и он вслед за Франком перебрался в Ахен. У Никаса было новое секретное задание в тылу политических оппонентов, а Франк, приняв родительское наследство, с головой ушёл в фундаментальную науку. Для его изысканий требовался свободный доступ к европейским источникам знаний, поэтому Западная Германия стала идеальной базой.

Так два бывших союзника на протяжении десятилетий поддерживали крепкую дружбу. И когда жизнь маленькой Эльзы Вайсе повисла на волоске, Никас задействовал самые закрытые связи, чтобы спасти малышку.

В те дни он плотно работал со старшим сыном Паулы и Карла — тридцатилетним Артуром Келлером. Приёмный брат Эльзы, усыновлённый в победном сорок пятом семилетним сиротой, сохранил родную фамилию, но унаследовал от деда Франка страсть к биологии. Теперь он возглавлял Мюнхенский институт донорства и трансплантации, развивая научные труды, когда-то начатые в их семье, и отчаянно искал способ спасти сестру.

Советский разведчик положил на стол перед молодым Келлером пожелтевшую карту СССР с нанесёнными на неё геомагнитными разломами.

— В Европе мы ничего не найдём, Артур, — глухо произнёс Никас, раскуривая трубку. — Но у меня остались давние связи в медицинских ведомствах Союза. Твой дед Франк много лет изучал генетические аномалии в закрытых сибирских наукоградах. Там, в суровых условиях, рождаются дети с уникальной, чистой структурой миокарда. Нам нужен ребёнок из определённой генетической ветви, чей хромосомный код совпадёт с кодом Эльзы на уровне клеточной памяти.

Артур резко поднял голову. В его глазах вспыхнула отчаянная, злая надежда.

— Никас, у нас нет времени на теоретические поиски! Эльза умирает! Мне плевать на ваши коды и разломы, мне нужен орган!

— Я не занимаюсь теорией, когда на кону жизнь моей крестницы, — ледяным тоном обрубал его Никас. — Прямо сейчас в Красноярском крае, в закрытом городе, в реанимации лежит новорождённая девочка. Её зовут Ирина. Она из двойни, у неё есть выжившая сестра-близняшка Вера. Малышка получила множественные ожоги, несовместимые с жизнью, и её дыхание поддерживает лишь аппарат искусственной вентиляции. Их родословная восходит к тем самым ладожским переселенцам, чью кровь мы когда-то изучали. Франк уже поднял архивы: сердце этой обречённой девочки идеально подойдёт Эльзе. Но чтобы тайно вывезти орган из закрытого Союза в Германию, стандартных медицинских протоколов не хватит. Нужны каналы, о которых не знают даже в КГБ.

Никас взял на себя самую опасную, шпионскую часть операции. Используя оперативные шифры и каналы бывших советских спецслужб, он организовал секретный «зелёный коридор». В условиях тотального политического контроля Никас умудрился договориться с сибирскими врачами, молниеносно оформив документы по линии международной гуманитарной помощи.

Роль Артура Келлера в этой истории была чисто прагматической и финансовой. Пока Никас пробивал железный занавес агентурной сетью, директор института задействовал колоссальные деньги. Он полностью оплатил частный медицинский борт, оборудованный новейшими системами консервации органов, и нанял лучшую бригаду немецких трансплантологов, которые вылетели в Сибирь под видом экспертов Международного Красного Креста.

Они действовали на грани фола. Сердце маленькой Иринки было изъято и помещено в стерильный контейнер в тот самый момент, когда её биологические родители ошалели от горя. Выжившая кроха Вера осталась в Сибири, даже не подозревая, что часть её собственной души и крови в эти минуты улетает на чужбину.

Специальный медицинский борт вернулся в Вестфалию за считанные часы до того, как организм Эльзы начал окончательно угасать. Никас лично встретил самолёт у самого трапа, сжимая в руках те самые генетические карты, которые позже определят всю дальнейшую судьбу спасённой девочки.

Келлер тогда впервые увидел, как работает истинная сила старого шпиона. Никас достал этот орган с другого конца континента, из закрытой сибирской глуши, ведомый фанатичной верой в «генетический замок». Именно так, усилиями шпионского гения Никаса и денег Артура, доставившего лучшую хирургическую бригаду прямо к постели умирающей сестры, сибирское сердце погибшей девочки-близняшки оказалось в Ахене.

Глава 11. Трепетное ожидание

Бабушка Эльзы, София, ежедневно молилась о заступничестве праведного Нильса Стенсена, со слёзными просьбами спасти её крошку. И вот усилиями Никаса и небесных покровителей для маленькой Эльзы наконец нашлось донорское сердечко в далёкой России.

На противоположной стороне сада тихо скрипнула калитка. София, посвящённая мужем в волнующую тайну, вышла встречать долгожданного гостя. Она только что приготовила яблочный штрудель с фундуком свежего урожая и даже не успела снять фартук.

Плотные шарообразные кусты роз «Вайсе Гресс» белоснежными лепестками усыпали тропинку, по которой Никас торопливо спешил к дому. Он был одет в светлый костюм, гармонично вписываясь в обильное цветение сада — жизнь в Германии и служба в разведке приучили его всегда выглядеть безупречно. Элегантный в каждой детали, пятидесятирёхлетний мужчина пружинистой походкой приближался к Софии. Аккуратно вытерев руки о фартук и поправив причёску, она прищурилась на солнце, пытаясь угадать, какие же новости принесёт их давний друг.

Никас тепло поприветствовал хозяйку и, призывно взмахивая папкой с бумагами, свернул по вымощенной булыжником дорожке на другую сторону дома. Он отлично знал, что на террасе его уже ждут Франк и Паула. София поспешила за ним, бережно подбирая длинный подол юбки, чтобы не оступиться.

— Салют! — громко произнес Никас, и на его зычный голос тут же отозвалась Эльза тихим, хныкающим плачем.

Франк поднялся со своего места и крепко пожал гостю руку, а Паула недовольно достала раскапризничавшуюся малышку из колыбели, прижимая её к себе и шепча на ушко:

— Разбудили маленькую, ай-я-яй...

Никас виновато улыбнулся:

— Друзья мои, отличные новости! Готовьтесь завтра ехать в университетскую клинику Ахена. Утром туда доставят донорский орган. Профессор поручил мне заранее оформить для вас договор и согласие на операцию, так как по прибытии борта счёт пойдёт на минуты.

— А деньги?! — ахнула София, медленно опускаясь на деревянную террасную скамейку и прижимая ладонь к груди.

— К этому надо было давно подготовиться, и деньги я, конечно, обеспечу, — ворчливо и немного смущённо буркнул Франк.

Женщины вопросительно замерли, ожидая от главы семейства гарантий.

— Я предварительно получил одобрение кредита в банке под залог нашей земли, — пояснил он.

Никас авторитетно выдвинул в сторону друга открытую ладонь, останавливая его:

— Дружище, времени на бумажную волокиту не будет. С оплатой клиники всё уже решено: мы с Артуром обо всём позаботились, необходимый залог за операцию моей крестницы внесён.

Он повернулся к Пауле, которая заботливо укачивала Эльзу и жадно ловила каждое слово. Её сердце ликовало и сжималось от страха одновременно, то холодея от ужаса перед операцией, то трепеща от безумной радости. Свободной рукой Паула крепко обняла Никаса. Она хотела что-то сказать, но слова глухим комком застряли в горле.

Никас по-отечески похлопал её по спине:

— Всё будет хорошо, вот увидишь.

— Я что-то пропустил? — громко вступил в разговор Карл. Он только что подошёл со стороны сада и застал бурные эмоции жены, ещё не зная подробностей.

— Карл! — рыдая, бросилась к нему Паула. — Завтра у нашей девочки операция! Нашли донора!

Карл сжал от напряжения кулаки и торжествующе вскинул их над головой:

— Я знал! Я верил, что чудо случится! — он крепко обнял жену и дочку.

— А кстати, откуда донор? — поинтересовался Франк, усаживаясь обратно в кресло.

— Ах, Франк, не всё ли равно, лишь бы орган подошёл нашей малышке! — воскликнула София.

— И всё же? — пытливо посмотрел старик на Никаса.

Тот положил папку на столик, убрал руки в карманы брюк и, покачиваясь с пяток на носки, уверенно ответил:

— Из России.

Все замерли, ожидая продолжения.

— В Сибири, под Красноярском, врачам не удалось спасти новорождённую малышку, — мягко соврал Никас, щадя чувства напуганных родственников и скрывая шпионские детали своей операции. — Ткани совместимы почти идеально, на девяносто девять процентов. Так что надежда огромная.

Никас слишком хорошо знал культуру и обычаи своей родины. Вслух он добавил то, во что искренне верил сам: русская душа милосердна, и в самый тёмный час материнское сердце способно разглядеть чужую боль.

София истово перекрестилась, шепча про себя благодарственную молитву праведному Нильсу.

Глава 12. Операция

Маленькое донорское сердце бережно доставили в университетскую клинику Ахена. За окнами операционного блока шумел ровный сентябрьский ливень 1968 года. В стерильных коридорах пахло антисептиками, озоном и тем леденящим, безмолвным страхом, который всегда сопровождает пограничные состояния между жизнью и смертью.

Опытный хирург Гизенхофф стоял у операционного стола, на котором лежала бледная малышка. Её собственное сердце стремительно отказывало. На соседнем столике в специальном термоконтейнере со льдом покоился драгоценный груз, только что прибывший из России.

Рядом, намертво вцепившись пальцами в спинку металлического стула, замер смертельно бледный Артур. Его обычная холёная маска слетела, уступив место животному страху за сестру. Никас не смог устоять под натиском молодого директора института и договорился с профессором, чтобы их обоих допустили в операционную в качестве наблюдателей.

— Вдруг ей моя кровь потребуется, — отчаянно аргументировал Келлер, и Никас сдался, хотя прекрасно понимал, что запасы нужной группы для девочки уже давно готовы.

Советский разведчик неподвижно стоял у стены, внимательно следя за каждым движением врачей.

— Давление! — металлический голос Гизенхоффа вывел Артура из оцепенения.

— Никас, у неё падает давление, — Келлер едва узнавал собственный голос. — Мы теряем её... Этот русский орган... ты уверен, что ткани совпадут? Это же огромный риск!

Никас не ответил. Он заворожённо наблюдал, как руки профессора действовали с точностью швейцарского хронометра. Опыт военно-полевой хирургии, полученный в Берлине в сорок пятом, и долгие годы секретных исследований вместе с Франком сделали разум старого разведчика холодным, как скальпель. Он полностью доверял хирургическому искусству Гизенхоффа.

— Ткани совпадут, Арти, — сухо отчеканил Никас, не сводя глаз с ассистента, запускавшего аппарат искусственного кровообращения. — Я лично проверял генетические маркеры

донора по закрытым каналам. Эта девочка из Сибири — не просто случайный шанс. У неё редчайшая, чистая группа крови и уникальная структура миокарда.

— Зажим! — резко прервал их профессор.

Начались самые мучительные сорок минут операции. Гизенхофф ювелирно соединял сосуды, буквально вживляя сибирское сердце в грудь немецкой девочки. Никас и Артур, затаив дыхание, следили за показаниями мониторов.

И вот настал решающий момент. Хирург снял зажимы, позволяя тёплой крови Эльзы хлынуть в сосуды нового сердца. Аппарат искусственного кровообращения на секунду затих. Все замерли. Прошла секунда, две, три... Монитор выдавал ровную, мёртвую линию.

Артур закрыл глаза, готовый разрыдаться от бессилия. И вдруг — сильный, резкий толчок. Экран прибора взорвался безупречной синусоидой. Жизнь вернулась. Давление мгновенно поползло вверх, возвращая нежный румянец на бледные щёки маленькой Эльзы.

— Сработало... — выдохнул старший брат, бессильно оседая на стул и вытирая крупный пот со лба. — Боже мой, Никас, ты спас её.

Гизенхофф, не отрывая взгляда от открытой грудной клетки девочки, внимательно наблюдал за процессом. Внезапно глаза учёного расширились от изумления. Обычный донорский орган после пересадки адаптируется тяжело: приборы должны были фиксировать аритмию, лёгкое отторжение, микротравмы тканей. Но здесь происходило нечто, совершенно не поддающееся классической медицине. Сибирское сердце не просто приживалось — оно словно узнало организм Эльзы. Ткани миокарда начали мгновенно, на клеточном уровне, перестраивать биологическую матрицу девочки под себя.

В кармане Никаса тихо завибрировал портативный хрональный регистратор — его собственная секретная разработка. Экранчик прибора начал выдавать странные частотные колебания, точно такие же, какие разведчик фиксировал в Карелии, когда изучал геомагнитные аномалии земли.

Это была не просто успешная стыковка сердца. Это был хрональный резонанс.

Никас медленно перевёл взгляд на прыгающую стрелку индикатора. Клетки Эльзы обновлялись с фантастической скоростью. Новое сердце привнесло в организм немецкой девочки генетический код невероятной, первобытной силы.

«*Оно работает...*» — пронеслось в голове Никаса, и его сердце забилося в такт пульсу Эльзы. Он понял, что Франк был прав. Генетический замок существует. И этот замок прямо сейчас замыкается в груди крохотного ребёнка.

Никас повернулся к Келлеру, который уже восстановил самообладание и с жадным любопытством всматривался в прыгающие зелёные линии на экранах приборов.

— Операция окончена, — Гизенхофф устало снял маску. — Девочка будет жить.

— Более того, — едва слышно прошептал Никас, — она станет особенной.

Келлер прищурился, глядя на светящиеся осциллографы. В его молодом, но уже склонном к жёсткой аналитике уме зародился первый, ещё смутный червь алчности. Он не понимал всей мистики Никаса, но прекрасно видел ошеломительные параметры: Эльза регенерировала так, будто была сделана из принципиально другого, высшего материала.

«*Пожалуй, этот Гизенхофф покруче Кристиана Барнарда*», — восхищённо подумал молодой руководитель Мюнхенской клиники. Именно в этот день, в операционной Ахена, Келлер внезапно осознал, что на уникальной биологии своей сестры можно построить империю.

Глава 13. Эльза и Игорь

Маленькая Эльза восстанавливалась быстро — на радость дедам и родителям. Она росла в атмосфере абсолютной любви и обожания. Её новое, обретенное в Сибири сердце оказалось чутким и любознательным. Девочка, затаив дыхание, слушала рассказы своего крёстного отца

Никаса о далёкой России, мечтая когда-нибудь обязательно посетить эту великую и загадочную страну.

— Пате Ник, покажи мне свою родину, — с мягким европейским акцентом училась Эльза говорить на русском языке.

— Ja, natürlich, liebe Elsa, — ласково отвечал ей Никас на безупречном немецком.

Эльза во многом пошла по стопам деда Франка. Она с отличием окончила исторический факультет Свободного университета в Берлине и всерьёз планировала написать фундаментальный научный труд о прошлом государства Российского. Родное сердце, живое и сильное, подсознательно стремилось назад, на родину, и противостоять этому зову крови у неё не было никаких сил.

Осенью 1990 года, сразу после официального воссоединения Германии, Эльза наконец-то приехала в Советский Союз в качестве участницы крупной международной конференции в Ленинграде. Там она и встретила своего суженого.

Эту случайность в интерьерах знаменитого Пушкинского дома явно кто-то детально спроектировал в небесной канцелярии. Молодых специалистов буквально столкнули лбами. Изучая богатое убранство девятнадцатого века, Эльза увлечённо засмотрелась на старинные книжные полки и, резко повернувшись, наткнулась на высокого молодого мужчину в очках. Удар оказался такой силы, что очки с него полетели на пол, и Эльза лишь чудом успела поймать их у самого паркета.

— Verzeihen Sie mir bitte, — Эльза смущённо протянула незнакомцу его оптику.

А у Игоря без этих стёкол словно пелена спала с глаз. Мир вокруг мгновенно заиграл радужными красками, и весь фокус с исторических раритетов окончательно переместился на девушку. Он растерянно перехватил руку Эльзы и во все близоручие глаза уставился на её утончённое, аристократически правильное лицо. Девушка стеснительно опустила светлые ресницы, мягко высвобождая ладонь.

Прямой, обжигающий взгляд Игоря попал в самое сердце голубоглазой иностранки. Неискушённая в амурных делах Эльза почему-то сразу почувствовала в нём родственную душу. Между ними в долю секунды пробежал мощный электрический ток, и очки, послужившие проводником, вызвали настоящее короткое замыкание. Вспышка ослепила разум. Так они и замерли, точно два изваяния посреди огромного зала, совершенно не обращая внимания на проходящих мимо участников конференции.

— Шестаков! — откуда-то из-под плотной ваты донёсся до сознания Игоря призывный голос.

К ним вплотную подошла строгая девушка-секретарь, одетая по классическому советскому стандарту: «чёрный низ, белый верх».

— Шестаков, ваш доклад через десять минут. Вы готовы? — тоном директора школы поинтересовалась она.

Не дождавшись внятной реакции, та удивлённо перевела взгляд на его застенчивую спутницу. В сознании Эльзы названная фамилия тут же усвоилась с забавным внутренним акцентом: «Щестьтаков».

Поймав волну этого внезапного наваждения, Эльза нашла в себе силы насмешливо сказать:

— Щестьтаков, вас ждут на доклад. Я тоже буду вас слушать.

Игорь суетливо нацепил очки и торопливыми кивками подтвердил разрушительнице оценки:

— Да-да, я готов.

— Пройдите в конференц-зал, я не собираюсь за вами бегать, — сурово завершила свою миссию секретарь.

Игорь галантно предложил Эльзе локоть и направился вместе с ней по паркетному коридору.

— Кстати, — спохватился вдруг он на ходу, — я ведь так и не представился: младший научный сотрудник исторического факультета МГУ Игорь Шестаков.

— Приятно познакомиться, мистер Щестьтаков, — приветливо отозвалась Эльза. — Меня зовут Эльза. Эльза Вайсе, — добавила она с мягким достоинством.

— Вы тоже интересуетесь историей России? — с живым интересом развивал разговор Игорь.

— О, да, — кивнула Эльза. — У меня огромный, глубокий интерес к вашей стране.

Игорь с любопытством посмотрел на спутницу:

— К нашей? А вы сами откуда приехали?

— Я приехала из Германии изучать историю Российского государства. Меня особенно интересуют времена абсолютной монархии, — увлечённо объяснила Эльза.

— В таком случае я просто обязан привлечь ваше внимание своим докладом, — многообещающе улыбнулся ей Игорь. — И я очень хотел бы услышать ваше личное мнение по этому поводу после выступления.

Ему всё больше нравилась эта белокурая гостья — ведь у них так удачно пересекались ещё и профессиональные интересы.

После выступления и череды жарких вопросов к докладчику Игорь встревоженно отыскал глазами Эльзу: он до паники боялся упустить свою новую знакомую. А та и не думала прятаться. Она восторженно дожидалась его в кресле и приветливо помахала рукой:

— Мистер Щестьтаков, я здесь!

Коллеги постепенно расходились на перерыв, возбуждённо обсуждая поднятую тему: «Роль религии в формировании абсолютной монархии царской России». Игорь тщательно собирал материалы, чтобы во всеоружии встретить критику. Оппоненты действительно нашлись и едва не засыпали его малоизвестными фактами, но молодой учёный виртуозно выкрутился, сославшись на труды своего наставника — профессора Виктора Михайловича Здоркина. Непререкаемый авторитет профессора быстро умерил пыл коллег, и те неохотно согласились, что озвученные тезисы требуют более глубокого изучения.

В любой другой раз Игорь предпочёл бы продолжить эту дискуссию в кулуарах, жадно выуживая мнения маститых учёных. Но сегодня всё его внимание без остатка захватила стройная иностранка, чьё суждение ему тоже не терпелось услышать.

Игорь поспешил к Эльзе, и когда они покинули душный лекторий, вкрадчиво поинтересовался:

— Так что вы думаете о моём докладе?

— Я узнала много нового. Многих из использованных вами источников нет в архивах Германии, — серьёзно ответила Эльза. — Именно поэтому я и приехала в Ленинград — чтобы изучать ваше прошлое изнутри.

— Хочешь... то есть, хотите, я покажу вам город? — гостеприимно предложил Игорь, со смущённой улыбкой исправляя собственную оговорку.

— Конечно, — охотно кивнула Эльза. — Ваш город ведь весь пропитан монархией.

Забыв на миг, с кем разговаривает, Игорь невольно хохотнул, вспомнив многочисленные советские памятники вождю пролетариата.

— Ленинград можно рассматривать через призму самых разных эпох, — со знанием дела кивнул он. — Но я покажу его вам именно с позиции царской России. Предлагаю перейти на «ты», чтобы экскурсия вышла более дружеской.

— О, с удовольствием, Игорь, — искренне обрадовалась Эльза.

Начав с Васильевского острова, они обошли весь центр. Посетили Заячий остров и Петропавловскую крепость, затем по Кировскому мосту перешли на левый берег Невы и долго бро-

дили по тенистым аллеям Летнего сада. Игорь упоённо рассказывал спутнице историю города, получая при этом двойное удовольствие: он обрёл внимательного, чуткого слушателя и возможность легально любоваться распахнутыми голубыми глазами Эльзы.

Их пешая экскурсия закончилась глубокой ночью на набережной — наблюдением за разведением Литейного моста. Проведя вместе целый день, они уже давно перешли на «ты» и теперь, стоя у кромки воды в свете ночных фонарей, заморозенно любовались дрожащим отражением огней в Неве.

— Красиво... — тихо вздохнула Эльза.

— Ты, наверное, устала? — Игорь заботливо накинул ей на плечи куртку.

— Да, немного, — не стала отпираться Эльза. От непривычно долгой ходьбы у неё отчаянно гудели ноги, но она была абсолютно счастлива. Голубоглазая иностранка чувствовала, что обрела родственную душу в чужой стране и больше не одинока.

— Так не хочется уезжать, — призналась она, кутаясь в его куртку. — Но уже послезавтра мне нужно возвращаться в Ахен.

— Послезавтра? — воскликнул Игорь. — Значит, у нас в запасе есть ещё целый день завтра!

— Скорее, целый день сегодня, — улыбнулась Эльза, кивая на наручные часы. Наступало туманное ленинградское утро.

— Эльза, — Игорь решительно взял её за руки. — Ведь так не может быть, чтобы мы с тобой потерялись. Кажется, я искал тебя всю жизнь. Мне нужно было прийти в науку только ради того, чтобы встретить тебя именно здесь, на этой набережной.

— И мне, — задумчиво откликнулась Эльза, не отнимая ладоней.

Она не хотела кокетничать и жеманиться. Рождающееся чувство было для неё пугающе новым и абсолютно настоящим. Оно окрыляло, и у неё перехватывало дыхание от безумной надежды: этот человек останется с ней навсегда. Пойдёт рука об руку, раскроет ещё множество исторических тайн и, что самое важное, согреет своим искренним вниманием и заботой.

Игорь готов был ежеминутно заботиться об этой хрупкой, тоненькой блондинке с милым акцентом, которая так искренне интересовалась его страной. Он вдыхал едва уловимый аромат её волос и слушал бешеный стук собственного сердца. А вокруг, вторя его чувствам, из каждого ленинградского ларька звукозаписи отчаянно зывал голос солиста «Наутилуса»: *«Я хочу быть с тобой, я так хочу быть с тобой...»*.

Весь следующий день Игорь увлечённо утомлял Эльзу экскурсиями по извилистым каналам, храмам и соборам. Эльза с огромным, благоговейным интересом разглядывала внутреннее убранство православных святынь. У себя на родине она лишь однажды видела русскую церковь Святого преподобного Симеона Дивногорца — во время школьной поездки в Дрезден, ещё до падения Берлинской стены. Сама она была католичкой, её крестили в древнем Имперском соборе Ахена, и почти каждое воскресенье бабушка София и дедушка Франк водили маленькую Эльзу на службу. Там она смиренно слушала проповеди и размышляла о мироустройстве, старательно молилась и благодарила Господа за каждый прожитый день — так научила её бабушка.

Игорь же, воспитанный строгой тёткой Валеёй, вырос убеждённым атеистом. Религия интересовала его исключительно с научной, исследовательской точки зрения. Но наблюдая, с каким трепетом Эльза переступает порог собора, он интуитивно чувствовал: этой деликатной темы лучше не касаться. Будучи закоренелым материалистом, он внезапно замолкал рядом с ней. С удивлением прислушиваясь к самому себе, Игорь обнаруживал внутри скрытый камертон — его душа словно звенела в унисон под величественными сводами.

Это было совершенно новое, пугающее ощущение. Оно приоткрывало ниточки иных истин, которые ещё только предстояло ухватить умом, чтобы они окончательно улеглись внутри. Рядом с Эльзой он прикасался к бездне её духовного мира и тонул в нём. И здесь не

нужны были слова, даты, сухие сведения о строительстве, чертежах или стоимости задействованных материалов. Вся эта информация плотным объёмным облаком висела под куполом и говорила сама за себя. Словно в храме они мгновенно попадали в единое информационное поле вековых знаний, где ответы на любые вопросы приходили сами собой.

«Удивительно, — подумал Игорь, глядя на мерцание свечей в её глазах. — *Как я раньше этого не замечал?*»

Едва они покинули собор, комсомольское прошлое Игоря всё же взяло верх. «*Хм, прямо опиум для народа*», — съёрничал он про себя. Но, посмотрев на притихшую Эльзу, тут же посерьёзnel: «*А может, и не опиум...*»

— В следующий раз я обязательно поведу тебя в Эрмитаж, — жарко обещал он спутнице, когда они спускались по ступеням Исаакиевского собора.

— Я бы уже с удовольствием пообедала, — Эльза мягко улыбнулась.

«*Живая, земная, родная!*» — облегчённо возликовал про себя Игорь.

— Пойдём, буду тебя кормить, — весело откликнулся он и, бережно приобняв её за плечи, добавил: — А то я уж испугался, что ты сейчас улетишь от меня.

— Улечу? Как это? — не поняла Эльза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.